

UNITED WISDOM

Описание эпизода без объяснения за другого

Человек и внутренний мир

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

I-26-N02 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Описание эпизода без объяснения за другого

Эпиграф

> *«Вопрос факта». — Дэвид Юм, «Исследование о человеческом познании», IV, часть I, выбранный фрагмент английского оригинала в редакции Л.А. Селби-Бигге; краткий редакционный перевод. Разговор о свидетельстве и выводе здесь используется ограниченно, без переноса всей философии Юма на отношения.*

О чём эта статья

Человек посмотрел на часы, ответил коротко и перевёл разговор на другую тему. Уже в следующем предложении нашего рассказа появляется причина: ему неинтересно, он хочет унизить, он избегает близости. Возможно, версия окажется верной. Возможно, обстоятельства сложнее. Но действие и объяснение его намерения не являются одним и тем же материалом. Описать эпизод без объяснения за другого — значит сохранить это различие. Мы можем назвать, что заметили, что пережили и как поняли происходящее, не выдавая последнюю часть за установленный внутренний ответ собеседника.

Нина — вымышленная героиня этой статьи — показывает знакомому фотографии недавней поездки за чаем. Он несколько раз смотрит на часы, задаёт один вопрос, затем начинает говорить о том, когда нужно уходить. Нина чувствует досаду и думает, что её рассказ был ему безразличен. Для неё эпизод неприятен; это не требуется отменять ради точности. Однако при рассмотрении можно разнести видимое поведение, собственное ожидание и предложенную причину. Такое описание не обязано завершиться благоприятной версией другого человека. Оно лишь сохраняет место для сведений, которых пока нет, и помогает точнее назвать предмет возможного разговора.

Мы рассмотрим, чем наблюдаемое отличается от вывода о намерении, как обозначать приблизительное воспоминание и почему собственное переживание не нуждается в доказательстве чужого скрытого мотива. Юм даёт философский ракурс свидетельства и вывода; выбранное изречение «Лунь юя» различает знание и признание незнания; аннотация исследования Николаса Эпли и соавторов предлагает ограниченный экспериментальный контекст оценки чужой перспективы. Предлагаемая запись не является проверенной терапевтической методикой или гарантией правильного

понимания людей. Она добровольна, может оставаться незавершённой и не откладывает необходимую защиту, помощь или действия по реальным последствиям.

I. Начать с одного доступного эпизода

Общий рассказ о человеке легко соединяет много событий в одно свойство: всегда отвлекается, никогда не слушает, специально ставит меня в неудобное положение. Иногда за ним действительно стоит повторяющееся поведение, которое нужно учитывать. Но для начала рассмотрения полезно выбрать один эпизод, достаточно конкретный для описания. Где происходил разговор, что обсуждалось, какое действие было замечено? Не нужно восстанавливать полный день, все отношения или историю человека. Небольшой предмет позволяет увидеть, какие слова относятся к доступным сведениям, а какие уже соединяют их объяснением. Дальше этот материал можно сопоставить с другими эпизодами, сохраняя различие между ними.

У Нины таким предметом может быть разговор за чаем после открытия альбома. Она вспоминает несколько взглядов на часы и смену темы. Если точное число взглядов неизвестно, его не требуется придумывать. Если реплика помнится приблизительно, её можно передать как приблизительный смысл. Описание не становится точнее только потому, что в нём появились конкретная минута и дословная речь. Важно, откуда они взяты. Частная заметка допускает простое указание: помню не всю последовательность, но заметила переход к уходу раньше, чем закончила рассказ. Такой предел не обесценивает досаду и не создаёт ложной документальной точности.

Свой первоначальный замысел тоже полезно назвать. Нина хотела показать несколько фотографий и поделиться впечатлением, а не провести подробный отчёт о поездке. Но было ли это заранее согласовано? Знал ли знакомый, сколько времени она рассчитывала уделить рассказу? Эти вопросы не означают, что внимание можно просить только после официального договора. Они помогают увидеть, совпали ли ожидания в конкретной встрече. Иногда достаточно заметить различие между собственным желанием и общей договорённостью. Если же договорённость была ясной, её нарушение не следует растворять в предположении, будто человеку просто показалось, что его должны были выслушать.

II. Действие, оценка и причина имеют разный статус

Рассмотрим три возможных предложения: собеседник посмотрел на часы; мне это показалось невнимательным; он хотел показать, что мой рассказ неважен. Первое описывает замеченное действие, второе — его оценку в данном контексте, третье — предполагаемое намерение. Каждое может иметь значение, но основания у них различаются. Для первого важны доступное наблюдение и память. Для второго — обстоятельства, ожидание и последствия. Для третьего нужны дополнительные сведения о том, почему человек действовал именно так. Если все части слиты, собственная убедительная версия легко начинает выглядеть столь же непосредственно наблюдаемой, как движение руки или смена темы.

Это различение не требует бесцветного языка. Можно сказать, что разговор был болезненным, что ответ показался резким или что после него стало трудно продолжать. Такие слова описывают пережитое качество эпизода. Лучше лишь обозначить, чья это оценка и на чём она держится. Нина не обязана заменять досаду нейтральной фразой о коммуникационном несовпадении. Она может назвать своё впечатление обычными словами, сохранив рядом известные подробности. Точность здесь не равна эмоциональному холоду. Она помогает не делать чужое намерение единственным основанием для признания того, что происходящее действительно задело человека.

В выбранном начале четвёртого раздела «Исследования о человеческом познании» Юм рассматривает свидетельство и вывод, выходящий за пределы непосредственно доступного. Это философский вопрос о познании, а не метод разговора или доказательство невозможности понимать людей. Для нашей темы берётся ограниченное различение: наблюдаемое обстоятельство и заключение о том, что за ним стоит, не совпадают автоматически. Мы не принимаем весь аргумент о причинности как готовое правило отношений. Из выбранного фрагмента также не следует, что любые выводы одинаково ненадёжны, память безошибочна или необходимо отказаться от действий до установления окончательной причины.

III. Свой ответ можно описать без чужого диагноза

Иногда человеку кажется, что его переживание станет законным только после доказательства плохого намерения другого. Если знакомый отвлёкся случайно, будто уже нельзя огорчаться. Но досада Нины связана с тем, как прошёл важный для неё рассказ и чего она ожидала от встречи. Она может рассмотреть это независимо от уверенности в скрытой причине. Собственное переживание не доказывает чужой мотив, однако и неопределённый мотив не делает переживание выдуманным. Здесь остаются два самостоятельных вопроса: что происходило со мной и что мне действительно известно о другом. Один не обязан поглощать другой.

Можно обозначить телесный ответ, чувство, желание или действие в собственных словах. Например, стало трудно продолжать рассказ, захотелось закрыть альбом, возникла досада. Не требуется выбирать идеальное название эмоции или объявлять такую реакцию симптомом. Если вспоминается только общее неприятное впечатление, его можно оставить общим. Запись нужна для конкретного вопроса, а не для полной внутренней классификации. Нина может заметить, что после взгляда на часы стала говорить быстрее. Это описание её ответа. Оно ещё не объясняет, зачем знакомый посмотрел на часы, и не требует немедленно исправить собственную реакцию ради удобства собеседника.

Важно не подменить описание новым приговором уже себе. Отказ от уверенного обвинения другого иногда превращается в противоположную крайность: я слишком чувствительна, всё неправильно поняла, должна была спокойно отнестись. Но это тоже общий вывод, которому нужны основания. Можно уточнить часть первоначальной версии, сохранив признание неудобства. Если Нина позже узнает о жёстком сроке ухода, это может изменить понимание взглядов на часы. При этом желание получить предупреждение о короткой встрече остаётся обсуждаемым. Новое объяснение не обязано полностью отменить прежнее переживание или сделать его признаком личного недостатка.

IV. Правдоподобная версия остаётся версией

Намерение часто кажется очевидным, потому что мы хорошо представляем, зачем сами совершили бы такое действие. Если я посмотрел бы на часы, желая закончить рассказ, значит, и другой хотел того же. Иногда такое предположение помогает ориентироваться. Однако у другого могут быть иные задачи, сведения и привычки. Для частной записи достаточно пометки: я предположила, что он торопит меня. Она сохраняет смысл первоначального понимания, не превращая его в установленный ответ за человека. Можно назвать основания версии и её предел. Убедительность переживания и убедительность объяснения тогда не приходится считать одним доказательством.

В официальной аннотации работы Эпли, Кейсара, Ван Бовена и Гиловича 2004 года описывается модель оценки чужой перспективы с исходной опорой на собственную и последующей корректировкой. В пяти исследованиях авторы сообщают условия, при которых такая корректировка оказывалась недостаточной. Здесь прочитана аннотация, не полная статья или данные. Это ограниченный контекст возможной ошибки оценки, не доказательство того, что Нина неверно поняла знакомого. Работа также не устанавливает эффективность предлагаемой записи. Экспериментальный ракурс помогает оставить вопрос открытым, не превращая понятие эгоцентризма в обвинительный ярлык или диагноз.

Не нужно заполнять заметку десятком благоприятных объяснений, чтобы считаться справедливым. Знакомый мог торопиться, мог потерять интерес, мог не понять важность рассказа; некоторые причины способны сочетаться. Но сам список не делает ни одну верной. Практическая задача зависит от цели: Нине может быть важно узнать, сколько времени было доступно, или сказать, что она не успела закончить. Для этого не требуется выбрать окончательную теорию личности знакомого. Достаточно увидеть существенное неизвестное и решить, нужен ли безопасный разговор о нём. Иногда дополнительное объяснение вообще не изменит выбранную границу или следующее действие.

V. Незнание не означает отказ от суждения

Фраза о незнании чужого намерения может звучать как запрет на любые выводы. Но мы можем оценивать доступное поведение, его повторение и последствия. Если человек явно отказался от предложения, не нужно объявлять отказ неопределённым до раскрытия всей мотивации. Если нарушена договорённость, можно обсуждать нарушение. Если возникла опасность, необходимая защита не ожидает философской ясности. Граница проходит в другом месте: вывод должен соответствовать имеющимся основаниям. Можно знать, что действие произошло и оказалось неприемлемым для конкретного дела, не зная всей внутренней истории, которая к нему привела.

Выбранное изречение второй книги «Лунь юя» связывает знание с признанием того, что неизвестно. Оно относится к исторической этической традиции, а не к современной проверке достоверности межличностных выводов. В статье берётся этот ограниченный ракурс. Соседние изречения о понимании характера и мотивов не превращаются в обещание безошибочно читать людей. Текст передаёт слова, приписываемые Конфуцию в составленной традиции; это не установленная дословная запись беседы. Сопоставление с Юмом не делает их одним учением. Здесь они помогают поставить разные вопросы о границе знания, сохраняя различие предметов и эпох.

Нина может знать, что рассказ закончился раньше, чем она хотела, и что собеседник не предложил вернуться к фотографиям. Может помнить, что встреча несколько раз прежде тоже прерывалась. Это материал для выбора формата следующей встречи. Но утверждение, что он вообще не способен на внимание, имеет иной масштаб. Иногда достаточно отказаться от такого формата, не получив полного объяснения. Право выбирать подходящее общение не зависит от победы в споре о скрытом намерении. При этом отказ другого слушать конкретный рассказ тоже не создаёт для него обязанности раскрыть все личные причины, чтобы наш выбор стал возможен.

VI. Сообщение другого добавляет сведения, но не завершает всё

Если разговор возможен и безопасен, собеседник может рассказать, как видел эпизод. Его слова являются новым материалом. Они не должны автоматически считаться полной истиной о произошедшем, но и заранее объявлять их ложью не требуется. Полезно различить сообщение о намерении, признание действия, объяснение условий и готовность изменить что-то дальше. Человек может действительно торопиться и одновременно невнимательно обойтись с договорённостью. Может не помнить отдельную реплику, которую другой помнит хорошо. Не всякое расхождение разрешается одной фразой. Иногда остаётся несколько перспектив с общими фактами и различными оценками их значения.

Предположим, знакомый говорит Нине, что заранее рассчитывал на короткий чай, но не предупредил её о времени ухода. Это ещё одна явно вымышленная возможность развития сцены, а не установленная причина исходного эпизода. Она позволяет уточнить вопрос о согласовании времени. Нина может сказать, что без предупреждения рассчитывала закончить рассказ. Необязательно доказывать, кто из них хороший слушатель в целом. Можно обсудить, подходит ли более короткая встреча и стоит ли предупреждать о ней в начале. Но если собеседник не хочет это обсуждать, запись не создаёт средства заставить его дать нужный ответ или принять предложенный формат.

Признанное объяснение также не отменяет последствия автоматически. Если известная причина делает поведение понятнее, это не всегда делает его приемлемым. Человек вправе сохранить границу, даже понимая, что другой испытывал трудности. В более серьёзных обстоятельствах могут понадобиться защита, документирование или помощь подходящего специалиста. Не следует превращать реальную угрозу или принуждение в упражнение по более доброжелательному толкованию мотивов. Для таких решений личная заметка имеет ограниченную роль. Она может помочь назвать доступные обстоятельства, но не заменяет профессиональную работу и не требует продолжать контакт ради полного объяснения.

VII. Что могло бы уточнить первоначальную версию

Вопрос к собственному объяснению может быть конкретным: какие доступные сведения изменили бы его? Если никакое сообщение не способно повлиять на вывод, вероятно, мы рассматриваем уже устойчивую оценку, а не открытое уточнение причины. Это не доказывает, что оценка неверна. Иногда она опирается на достаточное повторяющееся поведение. Но полезно честно назвать, какой предмет остаётся открытым. Нина может не знать, торопился ли знакомый, и уже знать, что не хочет снова показывать фотографии в таком формате. Одно решение не обязательно требует закрыть все вопросы о другом человеке.

Уточнение должно быть связано с реальной задачей и доступным материалом. Время ухода можно спросить; наличие прежней договорённости можно проверить по собственной переписке; внутреннее безразличие невозможно напрямую измерить одним взглядом. Не стоит специально устраивать новый неприятный разговор, скрыто проверять реакцию, привлекать третьих людей к испытанию или искать чужие приватные сведения. Полученный таким образом материал может создать новую проблему и всё равно не дать ясности. Если безопасного способа уточнить нет, неизвестное можно оставить неизвестным. Не всякое затруднение требует расследования, а подходящая граница может опираться на уже доступное поведение. Вопрос можно подготовить так, чтобы он не содержал уже принятого обвинения. Уточнение времени отличается от требования признать, что рассказ был неважен. При этом нет обязанности подобрать безупречную фразу, которая гарантирует хороший ответ: собеседник сохраняет собственный выбор и настроение. Нина может назвать конкретную трудность и необходимое условие, не доказывая всю свою версию. Если разговор становится неподходящим, его можно отложить или закончить, не превращая отказ продолжать в подтверждение скрытого мотива.

Собственная готовность услышать ответ не означает готовность принять любое объяснение. Нина может признать, что знакомый спешил, и всё же попросить заранее говорить об этом. Может узнать, что фотографии ему неинтересны, и выбрать для такого рассказа другого собеседника. Может не получить ответа и прекратить рассмотрение. Эти варианты различаются, но не требуют общего приговора обоим участникам. Важен предмет следующего шага: что нужно для подходящей встречи и есть ли взаимная возможность это устроить? Тогда точность описания служит выбору, а не бесконечному сбору аргументов о чьей-либо внутренней правоте.

VIII. Повторение поведения и общий образ человека

Несколько похожих эпизодов способны иметь практическое значение. Если встречи регулярно заканчиваются раньше согласованного времени, можно учесть это при следующих договорённостях. Однако похожесть стоит назвать по конкретному признаку, а не только по одинаковой досаде. В одном случае было заранее известно ограничение, в другом возникло неожиданное дело, в третьем договорённость не обсуждалась. Они могут требовать разных ответов. Рассмотрение подробностей не обязывает каждый раз начинать оценку с нуля и забывать прошлый опыт. Оно позволяет точнее увидеть, что повторяется: действие, условие, нарушение или собственное ожидание в различных обстоятельствах. Записи могут быть неполными: в заметки могли попасть прежде всего особенно заметные встречи, а обычные остались без записи. Поэтому рядом с найденным повторением полезно сохранить масштаб материала. Несколько описанных разговоров не являются всей историей отношений. Но это не означает, что для любого решения необходимо сначала собрать исчерпывающую статистику. Существенного повторяющегося поведения может быть достаточно для конкретной границы, даже если общий характер человека и точная внутренняя причина остаются неустановленными.

Общий образ другого часто помогает быстро ориентироваться, но может перестать замечать изменение. Если человек однажды был невнимателен, следующие короткие ответы легко прочитать как подтверждение. Иногда подтверждение действительно есть. Иногда новый эпизод отличается. Для дневника можно сохранить рядом прежний общий взгляд и конкретную новую подробность, не требуя немедленно изменить мнение целиком. Это отличается от обязанности доверять после любого извинения. Изменение поведения оценивается по доступному опыту и значимым обстоятельствам, а не по красивой формулировке. У человека остаётся право принимать решения о контакте в пределах собственных возможностей, потребностей и безопасности.

Не все отношения нужно превращать в длительное исследование. Если повторное описание больше не помогает решить конкретный вопрос, можно прекратить запись. Если трудно разобраться в значимой ситуации, бывает полезен выбранный надёжный собеседник или подходящий специалист. Но и такой разговор не должен обещать безошибочный доступ к чужой психике. Можно обсуждать собственный опыт, известное поведение и доступные решения. Помощь нужна не только после установления точного мотива другого. Человек вправе обратиться за поддержкой, имея неполное объяснение и не желая раскрывать все подробности. Неизвестное не лишает его права на заботу.

IX. Описание в четырёх различимых частях

Для короткой добровольной пробы выберите обычный безопасный эпизод, не требующий возобновления опасного контакта или восстановления травматических событий. Можно записать четыре небольшие части: что происходило по доступному воспоминанию, что я пережил, как объяснил это себе и что действительно осталось неизвестным. Если другой уже рассказал о своей стороне, обозначьте его сообщение отдельно. Это редакционная форма, а не диагностическая шкала или доказанная техника разрешения конфликтов. Её можно сократить, заменить устным рассмотрением или не применять. Смысл не в аккуратной таблице, а в видимой разнице между материалом и предложенным объяснением.

Для Нины первая часть могла бы содержать альбом, несколько взглядов на часы и переход к уходу. Вторая — досаду и желание закрыть рассказ. Третья — её предположение о потере интереса. Четвёртая — неизвестное ей время, которым располагал знакомый, и его понимание важности рассказа. Не требуется подробно описывать жизнь знакомого, собирать свидетельства о его характере или доказывать собственную объективность. Можно оставить пометку о приблизительной памяти. При этом сам формат не гарантирует, что запись стала достовернее. Он позволяет увидеть, какую часть вывода нужно уточнить, если это соответствует цели и доступно безопасным способом.

После записи достаточно выбрать один небольшой вопрос или завершить рассмотрение. Возможно, Нина захочет уточнить время следующей встречи. Возможно, ей достаточно изменить предмет разговора или поделиться поездкой с другим человеком. Не нужно проводить эксперимент с поведением знакомого, чтобы проверить, насколько он ценит общение. Если возникла необходимость защиты или помощи, она действует раньше завершения формы. Личная заметка не заменяет подходящего документирования существенных обстоятельств. Её можно сохранить частной, удалить или не продолжать. Право остановиться относится и к анализу, и к разговору, если человек не хочет или не может безопасно его вести.

X. Точность оставляет человеку свой голос

Объяснение за другого делает его внутренний ответ уже известным, даже когда он ещё не был услышан. Отказ от такой поспешности оставляет возможность узнать новое, но не требует передать собеседнику право полностью определять наш опыт. Нина может признать неизвестную причину и одновременно сказать, что встреча не дала ей нужного разговора. Другой может назвать свою сторону, не обязанную совпасть с её первоначальной версией. Между этими голосами возможны уточнение, договорённость, расхождение или решение о дистанции. Ни один исход не становится гарантированным следствием правильной записи. Рассмотрение лишь удерживает предметы, с которыми действительно можно работать.

Изменённая версия может быть небольшой. Вместо общего вывода о безразличии остаётся конкретный вопрос о времени и форме встречи. Или, напротив, новые сведения подтверждают, что этот формат не подходит, и дальнейшее уточнение не нужно. В обоих случаях важно сохранить, что именно установлено и где находится предел. Не требуется дойти до исчерпывающей истины о личности другого. Для следующего действия иногда достаточно нескольких обстоятельств и ясного собственного предпочтения. Такая ограниченность не является поражением познания. Она соответствует предмету: один эпизод, одна возможная договорённость и люди, чьи ответы не могут быть полностью написаны друг за друга.

Что это значит на практике

Вернитесь к одному безопасному эпизоду и разнесите замеченное действие, своё переживание и предложенную причину. Отметьте, что помнится приблизительно и какие сведения ещё не получены. Переживание можно признать без доказательства скрытого намерения; версию можно сохранить как версию, не объявляя её ни окончательной истиной, ни бессмысленной ошибкой. Если нужно уточнение, назовите вопрос, связанный с конкретной задачей, и выберите только добровольный безопасный способ. Нет необходимости создавать конфликт, искать чужие закрытые данные или добиваться полной исповеди, чтобы описать собственный опыт достаточно ясно.

Оценивайте доступное поведение и последствия в подходящем масштабе. Договорённости, отказ, повторение и реальная опасность имеют значение даже при неизвестной внутренней причине. Нужные действия, защита и помощь не ожидают завершённого анализа. Сообщение другого добавляет материал, сохраняя право рассматривать его вместе с известными обстоятельствами. Запись может закончиться уточнённым вопросом, подходящей границей или отметкой о неизвестном. Её можно не продолжать и не раскрывать. Практический результат скромен: в рассказе стало видно,

где говорит мой опыт, где моя версия и где у другого остаётся собственный, ещё не установленный ответ.

Ключевая цитата

> *«Когда не знаешь». — «Лунь юй», выбранное изречение II.17, приписываемое Конфуцию; краткий редакционный перевод фрагмента английского перевода Джеймса Легга. В контексте речь о различении известного и неизвестного, без обещания читать чужие намерения.*

Связи между традициями

• **Юм, «Исследование о человеческом познании», IV.I:** свидетельство и вывод за его пределами. Ограниченный философский ракурс, не запрет на причинные выводы или действия.

• **«Лунь юй», II.17:** знание и признание неизвестного. Исторический этический ракурс; соседние оценки мотивов и характера не принимаются как метод безошибочного понимания людей.

• **Эпли и соавторы, экспериментальная психология:** ограниченный контекст оценки чужой перспективы с опорой на собственную. Не диагноз участникам сцены и не доказательство эффективности описательной записи.

• **Редакционное рассмотрение:** событие, переживание, версия и неизвестное. Разные ракурсы сопоставляются без объявления единого учения; собственная граница и необходимая защита сохраняются.

Первоисточники

1. David Hume. *An Enquiry Concerning Human Understanding*, IV, часть I, выбранные пункты 20–23. L.A. Selby-Bigge, редактор, второе издание 1902, перепечатка редакции 1777; английский оригинал. Project Gutenberg 9662. Прочитаны выбранный фрагмент, ближайший контекст и метаданные, не весь раздел или книга. Страница различает первую выкладку 14 октября 2003, выпуск января 2006 и выкладку 15 ноября 2011. Права цифровой редакции UNKNOWN; исходный текст не импортируется и не векторизуется.

2. *The Analects of Confucius*, выбранное изречение II.17 о знании. James Legge, перевод. Project Gutenberg 3330. Прочитаны выбранное изречение, ближайший контекст и метаданные; не весь текст или китайская критическая редакция. Выпуск 1 июля 2002, обновление 8 января 2021. На странице номер XVII повторён для следующего изречения;

здесь используется только первое, о знании. Права цифровой редакции UNKNOWN; исходный текст не импортируется, не векторизуется и не используется для обучения.

3. Nicholas Epley; Boaz Keysar; Leaf Van Boven; Thomas Gilovich. *Perspective taking as egocentric anchoring and adjustment*. Journal of Personality and Social Psychology, 2004, 87(3):327–339. PubMed 15382983; DOI 10.1037/0022-3514.87.3.327. Прочитаны полная официальная индексированная авторская аннотация и метаданные; не полная статья, методы или данные. Указано © 2004 APA, все права сохранены. Научных прямых цитат нет; исходная аннотация не импортируется, не векторизуется и не используется для обучения.

Теги

описание эпизода, наблюдение, намерение, предположение, версия, факт, свидетельство, вывод, переживание, разговор, внимание, ожидание, договорённость, уточнение, незнание, знание, собственная перспектива, чужая перспектива, граница, ответственность, последствия, повторение, безопасность, добровольность, частная запись, Юм, Конфуций, Лунь юй, экспериментальная психология, самоисследование, собеседник, предел вывода

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.